

22.04.07

Дорогой Юрий Николаевич! Прямо так и пишу — дорогой, — потому что как только получил книги и прочитал Вашего Епифания с обломками «камней преткновенных», на которые упал и разбился, которые упали на меня и раздавили, так тотчас написал Вам электрическое письмо, да, видно, Вы уж сто раз переменяли почту, и оно летит сейчас где-то в волнах эфира, который не знает, что его нет, и однажды будет где-то с изумлением получено ничего не ведающим адресатом. Потому и пишу Вам — на всякий случай — это бумажное рукопашное письмо.

Сейчас прочел еще и «Одухотворение текста», прочитал в Михайловском в заботах подготовки очередного Пушкинского

праздника и вот бесстрашно пишу «дорогой», обнимая в Вас брата по церкви, и тут же смолкаю, потому что уровня Вашего не выдерживаю, высокой серьезности и православной строгости. В нас, псковичах, видно, «жидовствующие» протиснулись в генетику и всё ищут воли, и всё норовят залезть в веру с разумом, с вечным нашим диссидентством. Я посылая Вам в электронном письме малое приложение о своей поездке в Мира Ликийские, из которого Вы тотчас это и увидели. И потом конец восьмидесятых — начало девяностых я провел в обществе, вероятно, известного Вам иконописца архимандрита Зинова, о котором в разное время много писали. Это была школа высокая и строгая. И новая для моего простого православного сердца (я пел в церкви с конца 60-х годов).

Перемены и сейчас болят во мне и не дают мне в храме «развалиться» со всеми удобствами. Всё с тревогой, всё во все глаза. Впрочем, Вы уже, верно, прочли Дневники отца Александра Шмемана и можете представить эту непрерывно бьющуюся мысль, которая спокойна и светла в самой Литургии, но набрасывается с сомнениями, как только услышал «С миром изыдем!». Часто уже и исходишь не с миром.

Вы тверже, спокойнее, непреклоннее и в Вашей таблице выбрали «Одухотворение сознания», а я всё мечусь в «Выборе» — в «притворе», «рефлексии», «мудрствовании». И чем доле стою в церкви, тем более и «мудрствую», вязну в тонкостях «сфумато» и хоть сам на всех углах кричу, что горизонтальный путь истории пройден и пора вверх, пора опрокинуться со знаменем своей Родины и увидеть небо, спросить: что это? зачем мы бежали? и пойти туда! туда! но сам-то всё под горизонтальной перекладиной креста, всё на земле.

Как жалко, что Вы уехали из Тулы. Я там веду в Ясной ежегодные литературные встречи — то-то была бы радость видеться. Для меня радость, а Вы-то, может, только перекрестили бы меня и от меня остался серный дух да кучка пепла с двумя пуговицами. А я бы все-таки побежал на встречу и навстречу. Напишите мне, пожалуйста, по электронному адресу, а я пока буду копить решимость послать Вам одну-две своих легковесных книги. А по эл. почте могу прислать свою «Византию» (путевой дневник разных лет).

С благодарностью Елене Елагиной за чудо встречи. А Вам — за собирающие мою неуверенную душу книги. Ваш Валентин Курбатов.

4.05.07

Дорогой Валентин Яковлевич (уместно даже написать не «дорогой», а «драгоценный», «ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше»)! Исходя из заключенного в скобки — простите мое молчание! Для написания даже короткой весточки для Вас мне необходим определенный настрой, который можно назвать погружением. Житейская центрифуга не дает никакой возможности сосредоточиться: центробежные силы стремятся разорвать в клочья любое «созерцание воды». И никакого здоровья уже не хватает на сопротивление этим силам. Сейчас май, конец учебного года, а у меня с полтора десятка курсовиков и дипломников, и все эти полуфабрикаты сваливаются на мою голову именно сейчас. Простите, если можете, и в дальнейшем — прошу Вас — такие паузы воспринимайте как некие технические неполадки — не более. Несколько неловко ощущаю себя, читая, что «после прочтения «Одухотворения» от смущения спрятал ее подальше с глаз долой, чтобы и самому не попадалась». Пряма-таки «от нашего смущения — вашему смущению».

Пишу это под впечатлением и полученного (по почте) письма, и очередных Ваших «текстов» («Господи, благослови!» и «Между небом и землей»). Тут не ситуация кукушки и петуха, тут всё проще: я так не умею, но хотел бы писать (и думать, и чувствовать) именно так. Хотя заключенное в скобки нас, дерзаю надеяться, и сближает. То, что Вы пишете о религиозной привычке, я не просто понимаю, но болезненно ощущаю сейчас и всегда. Тем более, преподавая на такой специфической кафедре, не уйти от проповеди и нравственных наставлений. А каково сие, так сказать, «в контексте ощущения собственного недостойнства»? Преподаю же я такие предметы, как «Христианство и русская литература», «Религиозно-философская проблематика в русской литературе», «История христианской письменности и патристика» и еще такой забавный предмет, как «Диалог религиозного и нерелигиозного мировоззрений». Всё это, конечно же,

самодеятельность с моей стороны, поскольку никаких Свято-Тихоновских Православных университетов или Духовных академий не кончал, хотя и преподаю уже восьмой год. В общем (и «короче»), сильно ощущаю наше родство — оттого столь трепетное отношение к Вам. Интересно, что я иногда вычленяю в Ваших текстах «свое». Вот пассаж, прямо относящийся к искусственной, «головной» поэзии (Вознесенский, Бродский и мал мала меньше современного стихотворного модернизма): «Они не проросли в сердце, и они не утешат его в печали и не укрепят в сомнениях. Они могут вызвать слезы восхищения, но не разделят слез страдания. Они — часть речи (у Бродского, кстати, сборник «Часть речи» — Ю. К.), а человек — дитя Слова». Это я в подтверждение своего тезиса «Поэзия — блудная дочь молитвы». Обнимаю Вас. Простите по-христиански. Ваш Ю. К.

12.08.07

Дорогой брат Георгий! «Хождения» Минакова получил и уже написал ему первые восклицания. Многое близко до стеснения сердца, до тайной тоски и смущения — как близко все мы ходим при разности лет и как одинаково падаем и одинаково мучительно выправляемся. И Аину книжку прислал с Вашим послесловием. Она еще вся — отец, вся «мы», вся свет и любовь, вся под защитой. И это чудно хорошо!

3.01.09

Ох (как говорили: увы мне!), Валентин Яковлевич! Опять я в догоняющих, как будто не дорого мне Ваше слово и внимание! Вчера был на соборовании, а сегодня, слава Богу, причастился. Почитай, месяца два носил в себе свинец, а не причащался с самой Иверской. Ну вот и думаю: завтра с утречка сяду, наконец-то Валентину Яковлевичу писну: такой свинец никакое причастие не снимает. [...] В конце года произошла «нечаянная радость», щекочущая рецепторы самолюбия, а по сути дающая возможность ну хотя бы ненадолго отрешиться от того самого ощущения самозванства. Быть может, Вам это интересно будет в контексте нашего с Вами балансирования «между-между».

«Уважаемый Юрий Николаевич! Обращается к Вам Людмила Луцевич — доктор филологических наук, профессор Варшавского университета — и вот по какому поводу. Меня интересует современная русская псалтырная поэзия, с большим интересом прочитала в Интернете Вашу книгу «Камни преткновенные», сделала попытку ее анализа, считаю ее одним из глубоких явлений русской поэзии 80–90-х гг. [...]» А в следующем письме: «Не буду скрывать, что, когда я обнаружила в Интернете Ваши «Камни», я была поражена и восхищена одновременно. Это было что-то особенное в русской поэзии 80–90-х гг. Многие в самом тексте было для меня неясно (это сохраняется и сейчас), и я не решалась с ним работать, но все-таки любопытство пересилило. Я начала наводить справки о Вас, все, что возможно, добыла из Интернета. Начала интересоваться среди моих коллег, кое-какие сведения получила от них в Москве. Но ни в Москве, ни в Питере не нашла самой книги «Камни преткновенные» [...] Теперь контакт состоялся, а я — «в кусты», честно сказать, трушу. Написала раздел, посвященный Вашим «Камням», но выносить его на авторский суд мне сложно. Ведь для Вас в процессе творчества, по-видимому, важен был сам творческий акт, процесс и весь сопровождающий его эмоционально-интеллектуальный контекст. Я же имею дело с результатом, где много недосказанного, таинственного и, может быть, мною неправильно понятого и осмысленного. Боюсь, прочитаете, и вообще знать обо мне не захотите. Сейчас я «застыла» на уровне освоения «Камней». Хочу пояснить, что я литературовед, а не литературный критик, поэтому у меня несколько иные подходы, чем у критика, для меня важно обнаружить явление, описать его, ввести в определенный историко-литературный контекст, поставить «вешку», обозначить тенденцию, закономерность».

Так что — пусть ставит вешку; может, и не напрасно я землю ел двадцать лет назад! Если хотите, могу выслать этот ее «раздел, посвященный «Камням»» — на целый печатный лист развернулась, спаси Господи! Ну вот, простите, я стараюсь «о своем хорошем», чего о плохом поминать в новом году! Со Светой Кековой подружился заочно... Буду надеяться, что и у Вас, помимо огорчений (и с моей стороны, простите!), были солнечные

блики от текущей воды этой «реки времен в своем стремление...» Не держите на меня сердца. Обнимаю Вас братской любовью. Порадуемся Рождеству, которое «с высоты Востока». Ваш незадачливый богослов Халява.

04.01.09

Ну, брат, Георгий! Ведь это медаль! Да, может, и орден! Георгий, может, за Вашу отвагу перед «преткновенностью». По-моему, работа замечательно умна и обнаруживает хорошее систематическое знание. Поздравляю! Это и правда счастье — быть услышанным так серьезно. Теперь никакие слова об одиночестве не будут оправданы. Перед такими читателями уже отвечать надо. Они и всякую следующую работу будут читать так же строго. И ведь тоже не для упржнения ума только (на таких темах не только ум «греют», а и сердце врачуют), а для выхода к другому сердцу. Ну, уж теперь, как в Варшаву соберетесь (куда теперь Вы без встречи с польскими читателями!), так не забудьте завернуть в Псков-то — он тут по дороге. «Подвсплывете» немного, а то и «кессону» немудрено подхватить — при таком временном перепаде. С Рождеством Христовым! С любовью Ваш В. Курбатов.

13.07.09

Простите, дорогой брат Георгий, не писал долго и сейчас, похоже, толсто-то не напишу. Только сегодня воротился из долгой поездки с Распутиным по зоне затопления Богучанской ГЭС. Наслушались жалоб и плачей, нагладелись на все оттенки гибели и духовного запустения. Красоты навидались, сжимающей сердце, которая будет убита, хотя могла вырастить ангелов и пророков. Дураки-то (и фамилии у дураков есть — одна из них Дерипаска) думают, что коли они мужиков и баб из зоны расселят по городам и паровым отоплениям, то те и свои песни, и память так целиком в новые-то места и привезут. И даже гневуются на нас — чего это мы мешаем народу хоть на старости лет пожить по-человечески, без заботы о дровах, без мошкиИ и комара, без забот о подножном пропитании. И кого-то уже и убедили и уж немало и старых людей говорят, что дай им разрешение, то они сами бы свои избы и подпалили, чтобы скорей переехать.

А того и в голову не придет, что они потому только и люди, что тут жили и на все это глядели и не забывали дедов-прадедов, которых сейчас переносить не хотят. И уж те песни, что они здесь пели, они не споют. И той речи не упомянут. И станут теми самыми твидовыми пидажаками, торжества которых так боялся Леонтьев. Хуже-то всего, что этого и «умное» начальство не понимает, отговариваясь новыми домами культуры на новых местах. А чё в этих домах, кака культура-то будет прививаться? Мы ведь все дети великих рек, а не водохранилищ, и все наши песни и ремесла, все слова и молитвы простором и волей наших матушек (Волги да Лены, да Камы, да Двины, да Чусовой), нашей девушки Ангары да наших батюшек (Дона и Днепра, Иртыша и Амура) рождены. Загороди-ка прекрасный голубой Дунай плотиной, так напишет ли Штраус свой вальс, чтобы Витька Астафьев улился над ним слезами.

Э-э, да что! Такое брало временами бессилие, что хоть криком кричи. Распутин даже сначала и предварительный план свой звал «Прощание с Ангарой», а в особенно тяжкую минуту даже «Прощание с Родиной». Но, слава Богу, в конце окреп душой и уже при вручении ему мантии почетного профессора Красноярского педуниверситета сказал, что тут — край, что тут уж или мы, или они. И по его решительности было видно, что он бросает вызов, потому что и в человеческом сознании, в светлой-то его, тоже увиденной нами части, увидел ту же готовность перестать уступать насилию сиюминутной выгоды. Опору почувствовал, да и съёмочная группа была с нами крепкая и тоже понимавшая, чего хочет. Глядишь, что-то и подвинется. Ну, и я, Бог даст, когда в себя приду, тоже что-то сложу из своих путевых записок.

Что до «Лит. меридиана», то с благодарностью увижу Ваш текст напечатанным, потому что он и правда не про нас, а про самое, может, сегодня важное и строительное. Пошли Вам Бог сил. Да и мне, грешному, тоже. Ваш порывистый друг.

23.01.10

Дорогой брат Георгий! Компьютер долго матерился, но совладал со всеми фотографиями и с текстом, так что я благополучно посидел в уголке и послушал Вас и Минакова. И даже нет-нет

порывался с выкриком с места, но мои вскакивания и порывания не были замечены ведущими. А вообще ощущение хорошее. Вероятно, вживе и в звуковой записи это еще лучше, но и тут остается ощущение умного «цехового» разговора, которого иногда так просит сердце и которого не хватает на встречах с «просто» читателями. Все-таки нашему брату нет-нет надо поумствовать среди своих, быть понятым в междустрочии, в интонации.

Для себя же подтвердил давно отмеченное сердцем первенство «писанной» поэзии — для глаза, а не для слуха. Умная ее напряженность такова и стилистический строй так сложен, что слухом ты улавливаешь только само напряжение, но не успеваешь развернуть метафору и насладиться самой полнотой мысли. Только думаешь: вот молоток! Надо достать текст. В особенности Ваши «Камни преткновенные», где все курсивы и зияния многоточий так важны, но почти непосильны для звуковой передачи. Но и не только в этих стихах. Это и у Жданова, и у Евсы, и у Кекковой, и у многих замечательных поэтов. Как и вообще в искусстве. Я вон смотрел питерских керамистов. Ни одного горшка, а всё небесные тонкости. То керамическое пальто с ботинками, где и шнурки керамические, а то и вовсе надгробие черной глины, покрытое нежным глиняным пожелтевшим и полуистлевшим брабантским кружевом на земляной подушке с живыми цветами, которые зритель должен перед открытием выставки поливать. Это уж вроде черного квадрата в живописи — прощай, простодушная глина! И поэзия — дитя времени — уходит от песни и ясности в тонкое течение сложно одетой мысли. Для Толстого вон и «Капитанская дочка» — «голо как-то». «Другие дни — другие сны — сменились вы, моей весны высокопарные мечтанья». Почему душа нет-нет и рвется в «цех», посидеть со своими, которые уже выработали другой слух и которым «Я помню чудное мгновенье» уже не просто «голо», а «как он сюда попал?»

Спасибо. А работы «богослова Халявы» в «Сихоте-Алине» нужны непременно и со всею резкостью. Время для церкви вообще опасное — она заигралась с «умом» и своеволием, всё хочет от либерализма мира не отстать. А это ей, матушке, прямая погибель.

Я обзавелся зубами после долгого их отсутствия. Есть ими нельзя. Разве улыбаться. И если говорить, то только очень

интеллигентно (послать ни-ни — прикус не тот!). В связи с этим меня третий день принимают за интеллигента и спрашивают о Чехове. Обнимаю Вас. Ваш Рассудительных-Тонких.

24.09.12

Спасибо, дорогой брат Георгий! А то уж и не знаешь что думать... Я всё бегаю взад и вперед. Мало мне Общественной палаты. Выбрали еще в Президентский Совет, чтобы уж не только в Палату не ходить, а еще и в Совет заодно. А то как-то скучно приехать в Москву и не ходить в одну только Палату. Вот и придумываю поводы, как уклониться, потому что до меня ведь ему советовали, скажем, Солженицын с Распутиным — ребята не мне чета. А где результаты этих советов? И Солженицына-то мы ведь и в Думе видели — ему только что не смеялись в лицо. Эти казенные ребята могут послушать нас на досуге, как «художественный свист», — не более. Даже покивают и вечером скажут жене: «Виделся тут с одним. Дитё дитём. Откуда они только берутся?» Я сказал В. И. Толстому, который «приписал» меня туда, что охотно останусь его, Толстого, «советником», а уж туда не пойду. Тем более что как-то незаметно и потерял из виду то, что именуется общественной жизнью.

А за яснополянским чтением и писать разучился. Теперь вот надо восстанавливать «искусство ставить слово после слова» и вспоминать, как складывается щепоть, удерживающая перо, прежде чем перекрестить этой щепотью первое слово. Позавидовал, как умно, точно, властно написал Минаков о Вашей книге. Что значит нераспыляемая готовность ума! «Какая глубина, какая смелость и какая стройность!» Обнимаю Вас. Помогите Господь в обстоятельствах. Ваш Зачитавшийся Друг.

05.09.16

Все мы так с тоской-то, брат Георгий. Я о стихах. Всем она нам сестра. Отними, так и затоскуем. С нею, матушкой, только и чувствуешь себя живым, а светлые-то дни мелькнули, и нет, будто так и надо. Я поехал в Ясную Поляну искать с товарищами решения, что делать с капризниками, которым присуждают Премию, а они всё подыскивают повода отговориться и не приехать, хотя знают,

что условие присутствовать лауреату при вручении обязательно. Так что мы по очереди радуем каждого, что он победитель, а потом «отнимаем» и жалуем следующему, а потом «отнимаем» и у этого (и так уже в третий раз). Теперь надо искать четвертого «победителя» — благо соискателей три десятка и они все могут капризничать, потому что у них уже есть Гонкуровские, Пулитцеровские, а у троих и Нобелевские премии. Во жизнь! Собираюсь в этом году оставить жюри. Нельзя читать столько текстов через силу и не по своей воле. Да уж пора и за собой прибираться, сметать крошки со стола при моих-то летах (77). Обнимаю Вас. Ваш Пунктирный друг.

12.09.16

Дорогой мой Валентин Яковлевич! Спасибо, что откликаетесь — мне, недостойному. С тоской — да, Вы правы, она как та лакмусовая бумажка: есть, значит, живу... Я рад, что Вы оставляете жюри, уже давно думал об этом: нельзя так эксплуатировать-ся! А с кавалькадой не приезжающих на вручение лауреатов — это да! Зачем же было лезть в драку? чтобы подтвердить в очередной раз, что — существую? А Вы крошки-то сметайте, да здравие, какое есть, берегите. Пожалуйста! А я вот Вам очередной опус, мрачноватый немного, но что поделаешь... Обнимаю Вас и молюсь за Вас. Всегда и сердечно помнящий о Вас Ю.К.

22.08.17

Простите, брат Георгий, это я с виду молчу (как Довлатов — выпил в буйстве в Луге сто пийсят и на вопрос соседки по автобусу: «Что ж это Вы такой красный?» — ответил: «Это я снаружи, а внутри я либерал-демократ...»). Вот и я «снаружи» молчу, а внутри с Вами не разлучаюсь, потому что ворую и ворую у Вас картинки на свой «рабочий стол». Читать не умею, а вот картинки воровать — пожалуйста. Вот даже решил и Ваш «хрусталик» утешить своими фотографиями — всё свидание. Нашел вдруг «себя» в московском метро на станции «Достоевская» и вздрогнул: в двух ипостасях — «широк русский человек»... А остальное — Елабуга, где я погостил две недели назад, и матушка Москва, и Псков. Ваш В. Курбатов

15.09.17

Валентин Яковлевич, дорогой! Я ведь тоже — не молчу в вашу сторону. Хотя по виду — молчу. Как говорил Маяковский (чего уж теперь после князя Мышкина в роли Валентина Курбатова на стене метрополитена!), — «вашим, товарищ, сердцем и именем...». Правда. Так радостно и утешительно, что Вы у меня есть (ну, такой оборот). Именно «есть» — в том смысле, как у Рубцова: «Филя, что молчаливый?» — «А о чем говорить?» Хотя, конечно же, есть о чем... Тихенько, но постоянно (чтобы каплей камень точить) молюсь о Вас, о Вашем здравии. Насчет Вашего «читать не умею» — я и не надоедаю... Но вот — может, и прочтите в охотку — очень занятный и умный текст доктора философии Валерия Кулешова про мои «Диалоги», — бесконечна эпопея сия. Обнимаю Вас, дорогой брат мой. Здравствуйте и здравствуйте! И я — Ваш...

19.09.17

Какой блестящий текст (это я о Кулешове)! Какое счастье дожить до такого понимания твоего труда! Не грех татуировать на груди и ходить с расстегнутым воротом, чтобы было видно. А сам сижу себе тихонько и помалкиваю. Не пишется. Отделяюсь предисловиями к разным пустякам. Всё будто при деле. Да иногда «модераторствую» (прости Господи) на посиделках в Ясной Поляне или Михайловском. В Москве на книжной ярмарке посидел в соседстве с Норштейном, поторговали каждый своим рядом со своими чучелами работы Николая Ватагина. А в Ясной повалялся на сене с прапра Толстым, разглядывая облака. А перед отъездом домой снял рядом с вокзалом картинку почище хорошо обдуманного плаката — матушка-жизнь тоже, видно, любит «сочинить картинку». Ваш В. Курбатов.

13.06.20

А я, брат Георгий, загнан в насильственный карантин за своеволие и хождение без опаски. Теперь заперт в комнате и на матушку-Россию гляжу из окошка, на ее пятачок в полдвора. И так будет две недели, если я раньше не спячу. «Мойры, как плеть, нависли» и «память съежилась и есть не просит», как я ни пытаюсь

по просьбе своих молодых друзей припомнить начало жизни и вхождение в эту жизнь книги. Увы, старик Альцгеймер заметил меня раньше старика Державина. Я еще сопротивляюсь, но мне уже не быть «стойким солдатиком мысли» — даже не демобилизовался, а комиссовали. А вот теперь бы в заточении-то и складывать строку к строчке и хоть так подтвердить для себя, что жил, а то всё с улыбкой вспоминаю из Шергина: «Марья, у тебя мужик-от был ли?» — «Да вроде, когда щи хлебал, дак бороденка моталась, а так не помню». Но пока буду «шепериться», как говорили на моем Урале в детстве, сопротивляться привязчивому Альцгеймеру. Завидую Вашей Музе — умна, иронична, шутя не поболтаешь — отошьет. Ну, и ладно, значит, и нам грех попадаться ей с незастегнутой ширинкой — будем стареющую спину держать. Обнимаю Вас. Ваш Невольных-Подавленных.

04.07.20

Валентин Яковлевич, дорогой мой! Простите меня безалаберного! Понимаю — мое чувство к Вам нужно почаще поддерживать словом, но не всегда получается. Весточки Ваши — дюже и зело замечательные, и никакого там альцгеймера! Живите! Здравствуйте! Радуйтесь! Пожалуйста... А и есть чему — радоваться-то... Вирус — это морок, наваждение, черная гарь на снегу. А вот — даст Бог — выберемся из-под обломков американского имперьялизма! Как там у Некрасова? — «Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе». Хотя — кто ж его знает, Господь располагает... Вот и премию Вам царь-батюшка пожаловал; не знаю, как Вы с Вашим скептическим юмором, а я-таки очень-дюже порадовался. За всех нас! Очень Вы мне помогаете жить — Вашим присутствием, сполна реально ощущаемым. Обнимаю Вас крепко. Здравия и радости — как всегда. И парочку виршиков примите от недостойного графомана.

05.07.20

Спасибо, брат Георгий, за утешение глазу, за весточку, за стихи, за «граммофонную пластинку», танцплощадку, Лолиту Торрес. И жизнь уже вроде не так «пуста, бескровна и скудельна» и гефсиманская молитва не бесплодна, если нет-нет еще вспомнятся

и танцплощадка (о, как мы жадно танцевали в каком-нибудь пятьдесят четвертом-пятом году во дворах вечерами, когда кто-то вытаскивал патефон с пластинками). А там уже и Лолита сводила с ума: «Не прогнать тебя из сердца, но из жизни уходи!»

Вспомнилось, словно поперек стиху, а на деле-то «вдоль». А вообще, душа утешается плохо. «Ковидло» все-таки что-то разрушило в душе. И всякая книжка соискателей «Ясной Поляны» продолжает эту разрушительную работу с такой изобретательностью, что блатные моей молодости кажутся целомудренными детьми. И все так ироничны и брезгливы к тебе, словно именно тебе и пишут: «Пошел вон, старый козел. Твое время истекло. Не мешай нашей свободе, не занимай место». И я уже благословляю старость, что вот скоро Господь приберет меня и отправлюсь к своим старикам, и мы будем уже «оттуда» ворчать на живых, и я буду не один. Прости, брат! Не складывается весточка. Обнимаю. Сбитых-с-толку.

12.08.20

О, Господи! Дорогой мой брат Валентин Яковлевич! Отыскалось «вдруг» (в суете и бестолковости моих житейских пертурбаций) Ваше рукопашное письмо ко мне, недостойному, открывающее эпопею нашего бесценного (и бестолкового с моей стороны) общения. Супруга моя нынешняя (и, слава Богу, навечная, поскольку обвенчались мы неделю как), перепечатала рукописное (драгоценное!) Ваше письмо, и день нынче прошёл под знаком «тоски по Курбатову». Когда бы не хворобы мои перманентные да финансовые романсы (живём ныне — счастливо! — на две малюсеньких пенсии, да уроками кое-что жена прирабатывает), когда б не сии обстояния — рванули бы — прямо по жаре — повидаться! Приходится окорачивать себя.

А письмо Ваше (давно мною не читанное) ввело меня в грустное состояние оцепенения — вины, восторга и стыда — до слез: ну кто я такой, чтобы мне — такие слова?! Дальше — молчу. Так бывает. И чудеса — случаются... Обнимаю Вас — с надеждою, что здоровье не вовсе Вас избегает. Здравствуйте, пожалуйста! Цепляю файлом это Ваше письмо, — полагая, что Вам любопытно будет. И, может быть, ещё любопытно будет, — я на днях

собрал распоследние свои вирши и смастерил «книгу»; я не стал бы обременять Вас, когда б не это письмо: оно подвинуло меня на сию крамольную мысль — обременить Вас сим (ей-богу, не-обязательным!) чтением. Просто подумал: а, может, Валентину Яковлевичу это станет в охотку. Ну а нет — так нет... Цепляю, однако, файл с «книгой» (без всякой «задней» мысли!). На фотке — мы после венчания. [...]. Паки и паки обнимаю сердечно, Наталья кланяется; мы молимся о Вас. Слава Богу за всё!

16.08.20

Спасибо, брат Георгий! Я не поумнел с поры присланного Вами моего старого письма и по-прежнему робею перед Вашими стихами. Евангельская высота Вашего глагола замыкает мои слишком мирские уста — боюсь «не вместить». Обленившееся старое сердце всё ищет пицци помягче. А у Вас строка всегда «набита» через край теснотой смыслов. Герметична для балованного светского слуха. Только шепчешь: «Господи, разверни!»

Эта «явь сокровенная, уставшая быть мечтой», так всё и остается сокровенной, чтобы не обмелеть. Вы естественно и органично живёте внутри псалтыри, Евангелия, месяцеслова и церковной истории. У Вас вон и любовь родня «Песни песней» своей страшной подлинностью, которая дается на небесах только готовому и собранному храмовому уму. И в каждой строке «Премудрость! Прости! и Вонмем!». А нам бы, уловленным «мысленным волком», только бы без труда и даром. Побежал читать «изреченное безмолвие» с любовью, бережностью, духовною пользой и благословенной устыжающей неловкостью за свое ветреное суесловие и «обмахивание крестом». [...] С нежностью обнимаю Вас и кланяюсь Наташе и обоим Вас прижимаю к сердцу, счастливый вашими царственными венцами. Ваш В. Курбатов.

22.09.20

Дорогой мой брат Валентин Яковлевич, простите — как всегда — подлеца невольного! Будет мне на том свете «за невнимание и нерадение к ближнему»! Каждый день «мысленно» пишу Вам, ан глядишь — и месяц прошел «в пустых хлопотах»... Кому-то, не столь дорогому, быстро отписки сочиняю, а Вас оставляю

«на сладкое», чтобы без спешки и суеты написать, и вот что получается... Глупые надежды... Да еще — слава Богу — Слава Минаков приезжал в гости, повидались... Так и идет: с утра, покуда силы не покинули, если не написал — всё, до завтра... А еще кой-что по хозяйству надо изловчиться, чай в селе живем; а еще вирши, несмотря на обстоятельства и немощи, wpływают в тебя откуда-то, закручивают волчком — и не отворишься. А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, и слава Богу за все. Даже, может быть, снова буду лекции свои по патристике читать. Если силов хватит на всё, дай-то Бог!.. Какая-то копейка была бы, а то устал пенсию считать. [...] Силы мои на исходе, но так радостно мастерить Вам эту весточку! Посылаю файлом целую горсть новых виршей и даже — «критику» обо мне, любимом (Лена Васильева, поэтесса из Владивостока, удивила меня). Обнимаю Вас крепко, Наташа кланяется Вам сердечно. Мы молимся о Вас — даже если молчим. Простите (яко беззаконие мое аз знаю и грех мой предо мною есть выну!). Посети, Господи, милостию Своею раба Твоего Валентина, прости ему согрешения вольная и невольная и сохрани от всякаго зла! Здравствуйте, пожалуйста!

23.09.20

Спасибо, брат Георгий! Как завидую Вам со Станиславом — прям в райском саду сидите. И, верно, Муза меж Вами, и Вы не можете наслушаться друг друга, потому что читать с листа или экрана — одно, а слышать «глаголы уст» — это слышать адамовым слухом первослово, потому что слово, только произнесенное, есть Слово, а написанное — тень. И какое счастье, что у Вас появился соразмерный критик (Елена Васильева), который (ая) слышит и в начертанном произнесенное, адамово. Берегите ее яко зеницу ока. Тут вернейший слух и лучшее сердце. Редкий сочинитель может похвалиться, что его слышат, тем более при вековечности Вашей Музы, которая не снисходит к нашему слишком короткому слышанию текста. Ах, какой она молодец! И тоже ведь рискует оказаться «не по слуху» нынешним критическим вертопрахам, а вот идет на это, чтобы сохранить свое и читательское сердце в небесной глубине. [...]

20.10.20

Дорогой мой брат Валентин Яковлевич, здравия Вам — и по моим молитвам, надеюсь, тоже. [...] Много всяких обстояний привходящих, которые раздергивают только-только наклевывающееся равновесие. «А не летай, милоч!» Сад в окошке — да; как там? — «за этот ад, за этот бред пошли мне сад на склоне лет!» А до моря — полчаса езды на дребезжащей «Волге», на которой в допотопные советские времена ездил черноморский адмирал Андрющенко (оказались однофамильцы с Наташей, это ее девичья фамилия; и здесь ничто не случайно). Это что касается «моря в окошке». А у меня в окошке — дровник, куда я вчера перебросал купленные дрова (дуб! чтобы зимой не дать дуба). Что до Вашей Ясной поляны — я бы давно прекратил это безобразие, будь на то моя воля! Нельзя же так бессовестно пользоваться Вами! Это я пишу, тщась подвигнуть Вас на решительный шаг; извините, что не в свои сани... А стихи Ваши мне очень нравятся именно пушкинской интонацией (Вы ведь как-то присылали мне и другие). Нравятся — потому что сам так не умею; всегда восхищаюсь тем, что самому не по зубам. А за время моего (эпистолярного) молчания выродился только один виршик, да и тот Наташа не принимает в родные, говорит, из темного источника черпаю... А у Вас источник — светлый. Припадаю к нему. Здравия Вам и, может быть, радости. Обнимаю.

21.10.20

Дорогой брат Георгий! Все я никак не выучусь «Фейсбуку», где хоть и вижу Вас, но скоро погибаю в беге других имен, текстов, окликов и бессильно выключаю: а-а, ну их! Подлинно «сети»: «Тятя, тятя наши сети притащили...» Ваша «Волга» прекрасна — так бы и прокатился. И дрова-то дровами, но и море морем... Вон во Владивостоке оно Вас к китайцам потягивало, а тут уж греки сразу навалились — Понт-то Эвксинский, вот и сбегаются Дедалы и Прометеи, и Вы вон нет-нет Зевесом поглядите — и Платон Вам друг и не ревнует к Истине. Греческой мы веры или как? А мне вон в Москву надо — «Ясную Поляну» вручать. Очень надеюсь, что отпустят, что «исполнен долг,

завещанный от Бога мне, грешному...» По грехам, по грехам, иначе не объяснишь такой напасти. А Ким вон — отец основатель Премии, вышедший из жюри, чтобы получить ее, — изо всех сил рвется обратно, робяты не пускают — больно капризен. И как я ни уговариваю Толстого, но, видно, уж Владимир Ильич так натерпелся, что и слышать не хочет. «Ну, хоть девку, — говорю, — какую возьмите, проза-то уж на две трети женская. И перья, и хвосты, говорю, — будет перед кем распускать, а то чё одни мужики — скука скукой, да и дискриминация». Авось докричусь. А то убегу в Астапово... [...] Ваш В. Курбатов.

06.01.21

Эх, как бы я спел сейчас у Вашего крыльца: «Рождество Христово — ангел прилетел. Он летел по небу, тихо песню пел: «Вы, люди, ликуйте! Днесь все торжествуйте — Днесь Христово Рождество!» Но Вы вона где и «между нами снега и снега...», но сердце-то, слава Богу, пока проворнее поездов и самолетов, и можно р-раз — и обняться, и опять сидеть рядышком и распутывать клубки мира, которые запутываются все изобретательнее, и уж скоро их без Господней помощи уже не распутаешь. И это узорочье все витиеватее и, видно, уже не обходится без ревнивого Художника, он же — Князь мира сего. Ну, что ж, встанем в Красный угол и поверим, что если наберем веры с горчишное зерно, то и «возсия миру свет разума» и уже не затмится вовеки. И «звездам служащие» будут учиться Звездой, восшедшей над яслями. А мы рядышком на высоком месте между волом и ослом. Обнимаю. Пошли за Звездой! Ваш В. Курбатов.

07.01.21

Пошли за звездой! Такая радость! Жаль до церкви нынче не добрались. Но все равно Праздник! С Рождеством Христовым, дорогой брат! Я же когда молчу (виноват!), — я о Вас, брат мой Валентин Яковлевич, молчу, так уж получается... Вот, Христос уже нарождается; а два года тому про Рождество писал:

Проснулся резко, аж земля покачнулась:
«Время проносится мимо! Незримо
и — сквозь. Как проникающая радиация...»
...если без тебя — получается всё к смерти
(«бытие-к-смерти» — у Хайдеггера);
а ежели с тобой («тебе навстречь» — о том и речь!) —
к сиянию Света Безначального,
ослепляющего Божественной тьмою всякий
изнывающий от любопытства глазной хрусталик, —
к Свету Нетварному, к тому самому целокупному Счастью,
которое, как истина, есть, а не мнится;
то есть, по сути, — к Самому Господу,
который не просто «огнь поядающий», как у Иезекииля,
а Сама Любовь. И тогда — смерти нет.
Вот зачем Он рождается ныне!
И вовеки веков.
Люблю!